

Фан Цзянь решил, что пора всерьез позаботиться о своей репутации.

— Я не обещал возвращаться с ним в родные края, чтобы играть свадьбу, и уж тем более я не какая-то там нежная женушка.

Именно из-за подобных недоразумений Фан Цзянь терпеть не мог свою нынешнюю внешность. Само словосочетание нежная женушка вызывало у него отвращение — он мужчина! Мужчина!

Запомните уже, мужчина!

(В будущем — мужчина, который жестко укротит этого бесстыдного наглого русала!)

Услышав это, студент покраснел еще сильнее:

— Ну тогда, может, вернешься в родные края со мной? А, красавчик?

— Проваливай!

Фан Цзянь почувствовал, что восемнадцать лет воспитания в герцогской семье вот-вот дадут трещину. И правда, Сайвэй водится только с такими же чудаками, как он сам, — только и умеют, что нести всякую чепуху.

Студент, выпалив свое предложение, тут же получил подзатыльник от стоявшей рядом девушки:

— Мы здесь, чтобы помочь Сайвэю! Ты как вообще посмел подкатывать к его избраннику?

Фан Цзянь понял, что нужно уходить, и оглянулся: русал всё еще не сводил с него глаз.

Применив несколько заклинаний магии воды начального уровня — выпустив в воздух пар, который застлал глаза этим недоучкам-стажерам, — Фан Цзянь виртуозно улизнул, петляя между деревьями.

Сайвэй стоял у подножия обсерватории, прямо на лесной поляне, и смотрел вверх, на Фан Цзяня, замершего в самом центре звездного купола.

Фан Цзянь опустил взгляд на деревянный настил под ногами и почувствовал остаточные следы магической энергии.

День клонился к закату. Фан Цзянь поужинал на Магическом рынке, а когда на небе взошли звезды, отыскал нужную обсерваторию.

Неужели он выследил меня? Настырный тип.

Фан Цзянь ступил на платформу, и дерево слегка скрипнуло. Обсерватория была устроена на огромном, выделявшемся среди прочих дереве: крепкие ветви обтесали, превратив в площадки, и застелили толстыми досками. Правда, сейчас всё выглядело заброшенным, доски местами прогнили и потрескались.

Фан Цзянь убрал Магическую метлу в Пространственное кольцо и выпустил свою магию. Под ногами поползли узоры магического круга, и в то же мгновение далекие, недостижимые прежде звезды словно ожили, засияли вокруг обсерватории, стоило лишь направить поток энергии, чтобы проследить их орбиты.

Это был русал.

Кто-то подошел. Фан Цзянь сначала прислушался к концентрации магии в воздухе и понял, что она здесь циркулирует по определенным правилам.

Он сразу узнал этот запах, принесенный из Глубинного моря.

Сайвэй стоял внизу, задрал голову, и смотрел на него с нежностью, вязкой и одержимой, словно верующий, готовый в любую секунду пасть ниц.

В сиянии звезд Фан Цзянь казался еще прекраснее. Золотые волосы, изумрудные глаза, лицо, лишенное лишних эмоций — он был похож на бесстрастного, холодного бога, взирающего на мир с высоты.

— Советую тебе оставить эти мысли. Ты мне не нравишься, и, думаю, тебе стоит уяснить: я не терплю, когда ко мне навязываются.

Голос Фан Цзяня звучал ровно, без тени волнения. Даже выражая недовольство, он не переходил на крик — от него веяло лишь холодом и отчужденностью.

Сайвэй вспомнил совет одной из студенток, с которыми он познакомился на материке, когда она узнала, как Фан Цзянь к нему относится:

— Тебе нужно научиться притворяться жалким, действовать от противного, не давить на человека. Если ты и так не можешь добиться взаимности, а еще и ведешь себя агрессивно, он возненавидит тебя еще больше.

Сайвэй не хотел, чтобы Фан Цзянь его ненавидел. Но и отказаться от своих чувств был не в силах.

Лишь после того, как Фан Цзянь расставил все точки над и, Сайвэй понял, что не нравится ему.

Раньше он никогда не задумывался, нравятся ли ему самому те сокровища, что он забирал. Он просто брал то, что хотел: нравилось — забирал, не нравилось — выбрасывал. Драгоценные камни, корабли — они не умели говорить и выражать свои чувства, так что их опыт был бесполезен.

Конечно, были еще рыбки и морские обитатели. Он ловил их ради забавы, заботливо кормил, и они привыкали к нему. Ему и в голову не приходило, что желанный клад может не захотеть быть частью его коллекции.

Но теперь он столкнулся именно с этим.

Его сокровище — такое высокое, такое прекрасное, которое еще недавно улыбалось ему так нежно, — теперь говорит, что не любит его и не хочет возвращаться в океан. Почему?

— Почему? — Сайвэй искренне не понимал.

В его ярко-синих глазах читалось детское недоумение. Когда первобытная жажда обладания, свойственная зверю, отступила, на его красивом лице проступила чистая, почти наивная растерянность.

Фан Цзянь слегка нахмурился. Увидев эту искренность, он наконец понял, почему русал раньше его не понимал. Сайвэй никогда не общался с людьми. Всю свою жизнь он видел лишь кровавые схватки за выживание. Он не знал людских обычаев, а слова Фан Цзяня были слишком сложны для него.

Сайвэй решил, что если Фан Цзянь мягко улыбнулся, значит, он на всё согласен.

Фан Цзянь понял: нужно разложить всё по полочкам, чтобы русал наконец осознал суть.

— Поднимайся, — сказал он.

Сайвэй прошел по влажной от ночной росы траве, одним прыжком взлетел на платформу и оказался рядом с Фан Цзянем в сиянии звезд.

— Ты целовал меня, — сказал Фан Цзянь. — Не спросив моего согласия.

Сайвэй целовал его дважды. Первый раз — когда Фан Цзянь упал в воду, чтобы тот мог дышать и не страдал от давления. Второй раз — когда он увидел спящего в ванной Фан Цзяня и просто не удержался от прилива нежности.

— Ты должен понять: для людей поцелуй — это не пустяк. Нельзя целовать каждого, кто тебе приглянулся.

Но если нельзя выразить симпатию поцелуем, то чем еще? И если Сайвэй так хочет поцеловать, почему Фан Цзянь не хочет? Может, потому что он сказал, что не любит его? Как же сделать так, чтобы он полюбил?

— Что мне сделать? — спросил Сайвэй. — Как добиться твоей любви?

Такое сокровище нельзя было просто взять силой. В сердце Сайвэя при виде Фан Цзяня оставалась лишь нежность.

— Как мне ухаживать за тобой?

У него были редкие драгоценности, диковинные вещицы — всё это он готов был отдать за свое сокровище. У него была сила, способная покорить весь океан, — он готов был предложить ему целую синюю бездну. Он сам — его слезы, превращающиеся в жемчужины русала, его чешуя, острая и магическая... У него была ценность, которую он был готов принести к ногам того, кого так страстно желал.

— У меня есть богатство, сила, красота — всё это я готов отдать, чтобы завоевать тебя. Дай мне шанс. Позволь мне касаться тебя, целовать тебя, быть с тобой в океане.

Фан Цзянь покачал головой:

— Любовь нельзя навязать, она эфемерна. Ты для меня — чужак, незнакомое существо. Как я могу быть близок с тобой? Твои поцелуи для меня — лишь оскорбление и повод для раздражения.

Сайвэй смотрел на Фан Цзяня, окруженного звездами. Тот казался идеальным творением творца. Длинные густые ресницы Фан Цзяня слегка подрагивали, заставляя сердце русала сжиматься. Он старался дышать тише, боясь спугнуть это прекрасное видение.

Сайвэй просил лишь об одном — чтобы его не прогоняли. Пусть он живет с мыслями, которым не суждено сбыться, пусть его желания останутся без ответа — он просто хочет быть рядом и смотреть на Фан Цзяня. Он готов сдерживать свой звериный голод, готов подавлять безумную жажду обладания. Только не прогоняйте его, не отправляйте обратно в холодную, одинокую бездну.

После того как он увидел такое сокровище, океан, который раньше казался ему домом, превратился в печальную тюрьму.

— Прости, — тихо сказал Сайвэй. — Я не знал. Я просто люблю тебя, хочу быть ближе. Я не знал, что тебе это неприятно, что это тебя оскорбляет.

Сайвэй слышал, как его сердце рассыпается на куски. Он не знал, что оно стало таким хрупким. Раньше, сталкиваясь с морскими чудовищами, он шел в бой, не боясь ран, и его

сердце было твердым, как скала. Но теперь, когда он понял, что его сокровище считает его чувства обузой, оно разбилось, как стекло, от одного лишь холодного жеста Фан Цзяня.

— Позволь мне остаться рядом. Я обещаю, что не буду делать ничего, что тебе не нравится. Позволь мне быть твоим спутником, твоим другом. Я буду очень стараться.

Эти слова — спутник, друг — он услышал от тех студентов.

Глаза Сайвэя наполнились безграничной печалью. Он умолял, просил, взывал: не гони меня, не возвращай в ту ледяную, черную пустоту. В Глубинном море нет Фан Цзяня, нет его запаха, нет его тепла. Без своего единственного сокровища океан больше не приносил покоя.

Сайвэй дрожал от страха и тревоги, не сводя глаз с человека, в чьих руках была его судьба.

<http://bllate.org/book/22205/2315037>